

УДК 82.09:821.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-3-467-475

**Художественная функциональность элементов устного народного творчества
в романе И. Девина «Трава-мурава»**

Н. Н. Левина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
LEV.NataliyaN@yandex.ru*

Ю. Г. Антонов

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
antonov-ug69@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Неразрывная связь с народным творчеством – неотъемлемая черта художественных опытов мордовского писателя И. Девина. Успех, который выпал на долю романа «Трава-мурава», в значительной степени определён обращением автора к фольклорному материалу, нашедшему в произведении широкое и всестороннее применение. Фольклор вошёл в роман автора всей совокупностью своих особенностей – народности содержания, отдельными жанрами и целым рядом художественных средств и приёмов. Связь с народным творчеством проявляется на разных уровнях художественного целого – сюжетно-композиционном структурировании, организации образной системы, воссоздании национального колорита, авторского мировидения. В данной статье анализируются особенности авторской интерпретации и реконструкции элементов мордовского фольклора, их значимость и продуктивная роль в формировании художественной структуры романа, раскрытии идейно-тематического диапазона, организации образного ряда, обогащении выразительных и стилевых возможностей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления вопросов о функциональности, формах и степени соотносённости фольклорного материала и авторского текста.

Цель: выявить функциональность элементов устного народного творчества в романе И. Девина «Трава-мурава».

Материалы исследования: роман И. Девина «Трава-мурава».

Результаты и новизна исследования. Новизна исследования обусловлена тем, что проблема функциональности элементов фольклора в романе И. Девина «Трава-мурава» до сих пор остаётся наименее изученной областью в творчестве автора, в то время как в указанном произведении задействован потенциал многих жанров народно-поэтического творчества: песен и частушек, причитаний, легенд и преданий, пословиц и поговорок и др.

Авторами статьи установлены разнообразные формы обращения И. Девина к фольклорному материалу, определены способы воздействия художественной системы устного народного творчества на авторский текст, отмечены художественное своеобразие, разнообразие тематики, специфика образной системы, особенности языка и стиля произведения, а также авторское отношение к народным истокам и фольклорным традициям мордовского народа. Таким образом, статья представляет собой комплексный анализ фольклорно-литературных взаимосвязей на всех уровнях художественного произведения, позволяющий резюмировать, что автор творчески заимствует и свободно интерпретирует фольклорный материал в литературном тексте.

Ключевые слова: мордовский фольклор, устно-поэтическое творчество, традиция, жанр, поэтика, И. Девин, роман, художественный образ, авторский текст

Для цитирования: Левина Н. Н., Антонов Ю. Г. Художественная функциональность элементов устного народного творчества в романе И. Девина «Трава-мурава» // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 467–475.

**The artistic functionality of the elements of oral folk art
in I. Devin's novel "Trava-Murava"**

N. N. Levina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
lev.nataliyan@yandex.ru*

Yu. G. Antonov

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
antonov-ug69@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the indissoluble connection with folk art is an integral feature of the artistic experiences of the Mordovian writer I. Devin. The success that befell the novel “Trava-Murava” is largely determined by the author’s appeal to folklore material, which has found wide and comprehensive application in the work. Folklore entered the author’s novel with the totality of its features – the nationality of the content, individual genres and a number of artistic means and techniques. The connection with folk art is manifested at different levels of the artistic whole – plot and compositional structuring, organization of the figurative system, recreation of national color, author’s worldview. This article analyzes the features of the author’s interpretation and reconstruction of the elements of Mordovian folklore, their significance and productive role in the formation of the artistic structure of the novel, the disclosure of the ideological and thematic range, the organization of the figurative series, the enrichment of expressive and stylistic possibilities. The relevance of the research is due to the need for scientific understanding of the issues of functionality, forms and degree of correlation of folklore material and the author’s text.

Objective: to identify the functionality of the elements of oral folk art in I. Devin’s novel “Trava-Murava”.

Research materials: I. Devin’s novel “Trava-Murava”.

Results and novelty of the research: the novelty of the study is due to the fact that the problem of the functionality of folk elements in I. Devin’s novel “Trava-Murava” still remains the least studied area in the author’s work, while the potential of many genres of folk poetry is involved in this work: legends, proverbs and sayings, songs and ditties, lamentations, etc.

The authors of the article have established various forms of I. Devin’s appeal to folklore material, identified ways of influencing the artistic system of oral folk art on the author’s text, noted the artistic originality, variety of subjects, specificity of the figurative system, features of the language and style of the work, as well as the author’s attitude to the folk origins and folklore traditions of the Mordovian people. Thus, the article is a comprehensive analysis of folklore and literary interrelations at all levels of a work of art, which allows us to summarize that the author creatively borrows and freely interprets folklore material in a literary text.

Key words: Mordovian folklore, oral poetry, tradition, genre, poetics, I. Devin, novel, artistic image, author’s text

For citation: Levina N. N., Antonov Yu. G. The artistic functionality of the elements of oral folk art in I. Devin’s novel “Trava-Murava” // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2024; 14 (3/58): 467–475.

Введение

Выявление и изучение элементов фольклора, определение их художественно-эстетической функциональности в авторском тексте является актуальной проблемой в литературоведческой науке. Актуальность осмысления вопросов взаимодействия фольклорного материала и литературного творчества в настоящее время объясняется тем, что освоение литературой опыта народно-поэтической культуры происходит на протяжении длительного времени и принимает различные формы: от прямого заимствования до творческого освоения богатств фольклора. Таким образом, «взаимодействие и соотношение фольклорных и литературных элементов в творчестве писателей – это неповторимо-индивидуальный акт» [6, 41], требующий глубокого научного осмысления.

Литературоведческая наука, оценивая взаимосвязь фольклора и художественного творчества писателей разных историко-культурных эпох, накопила немалый опыт. Продуктивную роль, важность художественно-эстетических функций устного народного творчества в формировании концептуальной сферы литературных произведений отмечают многие зарубежные [18; 19; 20; 21; 22;], отечественные [1; 9; 15] и национальные учёные [3; 4; 11; 14].

Ориентируясь на наследие предшественников и устоявшиеся традиции в творческом применении материала устного народного творчества,

писатели современной эпохи стремятся к реконструкции и трансформации фольклорного опыта в своих художественных текстах, что приводит к возникновению новых тенденций и серьёзному обновлению индивидуально-авторских предпочтений.

В данной статье, опираясь на опыт изучения художественной репрезентации фольклорных элементов в литературном творчестве, мы анализируем авторскую интерпретацию, реконструкцию и функциональность поэтики мордовского фольклора в романе И. Девина «Трава-мурава».

Отметим, что критическое осмысление творчества И. Девина в национальном литературоведении продолжается на протяжении многих десятилетий. Имеется монография [3], отдельная глава диссертационного исследования [7], большое количество статей, рецензий, опубликованных в коллективных сборниках и на страницах региональной печати [2; 11; 14], посвящённых анализу наследия писателя. В центре внимания исследователей находятся сюжетные единицы и композиционные решения, типические образы и символы, способы изображения действительности, язык повествования и средства выразительности. Привлекает учёных также и реализация устно-поэтического материала в авторском нарративе. Однако в работах, посвящённых изучению взаимосвязи традиций устно-поэтического творчества и художественного наследия автора, наблюдения ведутся односторонне. Они пред-

ставляют собой лишь выявление традиционных образов, сюжетов, обрядов и обычаев, включённых в ткань литературного текста, а их художественно-эстетическая функциональность в произведениях остаётся вне поля научных осмыслений.

Данная статья призвана восполнить пробел в национальном литературоведении, углубить, уточнить и дать объективную оценку формам и средствам авторской интерпретации элементов национального фольклора, определить семантику, специфику использования поэтических средств и их функциональность в структуре художественного произведения.

Материалы и методы

Материалом исследования является роман И. Девина «Нардише» («Трава-мурава»), опубликованный в 1991 г. [10].

В статье реализованы аналитический, сравнительный способы анализа с применением к нему системного, комплексного подходов, что позволит расширить и углубить знания о функциональности элементов фольклора в литературном произведении.

Результаты

Неразрывная связь с родным фольклором – отличительная черта творчества народного писателя Мордовии И. Девина. Устно-поэтическое творчество в его произведениях проявляется во всём многообразии, служит оригинальным стилеобразующим и формообразующим средством. Авторская переработка и применение фольклорного материала в литературных текстах способствует «шире осмысливать сегодняшнюю действительность и историю, всесторонне исследовать человеческую личность в различных жизненных коллизиях» [5, 220–227], о чём свидетельствуют поэтические и прозаические сборники писателя: «Моим товарищам по счастью», «Годы, годы...», «Как отблагодарить тебя», «Далёкий путь», «Синева», «Добрая душа», «Где родилась берёза...» и др.

Исследователь творчества писателя А. Алёшкин отмечает: «Всякий, кто знаком с его произведениями, как характерную черту их, пожалуй, в первую очередь отметил бы связь с народными традициями, органическую близость их художественной структуры с поэтикой устно-поэтического творчества мордовского народа» [3, 4]. Но, с другой стороны, литературовед подчёркивает творческий подход автора и отмечает, что механическое подражание фольклору для его творчества

не характерно.

Вершиной творчества И. Девина стал роман «Трава-мурава». Это лирическая хроника жизни мордовской послевоенной деревни. Трудовые традиции, преемственность поколений, глубокие раздумья о судьбах людей и родной земли, чистота нравственных отношений – вот основные проблемы, исследуемые писателем.

Произведение также отличается новым подходом к выбору героя: в качестве центральных персонажей И. Девиным избраны представители молодого поколения 1940-х годов, деятельность которых развёртывается на фоне борьбы за восстановление разрушенного войной народного хозяйства. В образах молодых людей, прежде всего главной героини Ани Пресняковой, обобщены глубокое духовное и интеллектуальное содержание, активность жизненной позиции и моральная чистота.

Психологически оправданно возвышаются образы представителей старшего поколения. Это простые люди деревни Петр Иванович Пресняков, Пивкин, Щетихин, Тучатя, Цямкаиха – образы глубоко лиричные, душевные, трогательные. На их примере автор подчёркивает, как в трудной жизненной обстановке проявляется подлинно народный характер, в основе которого стойкость, преданность делу, уважение к традициям.

Для реализации творческих задумок И. Девин выбирает стиль поэтической полифонии, аккумулирующий в себе традиционно-народное и индивидуально-авторское, что вполне отвечает задачам раскрытия авторского замысла.

И. Девин в качестве важных сюжетно-композиционных единиц в ткань повествования вводит различные элементы устно-поэтического творчества: как отдельные жанры, так и ряд собственных фольклорной поэтике средств и приёмов. Фольклорный материал в авторском тексте многофункционален и составляет неотъемлемую часть художественного мира писателя. В первичной, а также в трансформированной форме в романе обнаруживаются следы многих видов устной народной обрядовой и необрядовой поэзии: песен, частушек, пословиц, поговорок, молений, плачей и других элементов фольклора, что даёт основание полагать, что автор переработал многие фольклорные формы, привнёс новые мотивы для тонкой передачи внутренних интенций персонажей, для правильного восприятия читателем послевоенной действительности в мордовской деревне. Трепетное отношение к национальным традициям своего народа стало «необходимым

условием для передачи исторического народного опыта и создания этической и нравственной основы национального характера» [1, 79].

Значительным фокусирующим компонентом романа И. Девина является образ-символ, трансформирующий и организующий вокруг себя все элементы художественного целого. Через всё повествование проходит образ травы-муравы, давший название произведению и символизирующий жизнестойкость современника. Это не просто поэтический орнамент, усиливающий лиризм повествования, а, прежде всего, образ-символ, являющийся важным конструктивным элементом художественной речи и имеющий смыслообразующий потенциал. Его сложность и глубинный смысл определяется в контексте. Автор описывает траву-мураву как упрямую, живучую, неистребимую траву. Её жадно грызут животные, щиплют гуси и куры, все её топчут, все по ней ездят, – она же отрастает и становится всё гуще и сильнее. Многие герои романа воспринимаются как жизнестойкая трава-мурава. И. Девин через всё повествование проводит идею о том, что только стойкие, сильные люди могли победить в Великой Отечественной войне и преодолеть трудности послевоенного лихолетья. Таким образом, образ-символ, неся на себе моделирующую нагрузку, способствует интерпретации мира художественного произведения.

Особой художественной формой отражения действительности, выражающей эстетическое восприятие внутреннего мира и внешнего облика человека, его эмоциональное отношение к жизни является мордовская народная лирика. На страницах романа «Трава-мурава» это мордовские и русские, народные и авторские песни и частушки. Песенная лирика, включённая в повествование и «представляющая собой своеобразный «текст в тексте», вступает в диалогические отношения с данным литературным произведением, что обогащает его дополнительными смыслами» [17, 20]. Автор не просто фиксирует в тексте слова народного произведения, включение песни в структуру романа выполняет эстетическую фикцию некой лирической декорации, на фоне которой отражается эмоциональное состояние героев. Но это отражение, да и само состояние, различно. Посредством применения песенного материала удаётся раскрыть большое многообразие человеческих чувств.

Например, первое появление на страницах романа бывшего фронтовика Пивкина автор пока-

зывает через картины природы в самых тёплых поэтических красках и реализацию песенного материала. Через песню отражается радость бойца, возвратившегося с победой домой, радость встречи с родиной. Сняв кирзовые сапоги, Пивкин босыми ногами наступает на траву-мураву и во весь голос поёт: *Кели лугава, / Расав тишева, / Расав тишева / Якай од цера* [10, 53]. «По широкому лугу, / По росистой траве, / По росистой траве / Ходит парень молодой»¹. Песня также способствует обрисовке морального облика героев. Нравственная состоятельность Пивкина очевидна, он выступает носителем гуманистических и патриотических начал народной жизни.

Песня играет важную роль в сюжетобразовании, в зависимости от способа реализации песенного текста, адресата и исполнителя может раскрывать определённую ситуацию в жизни героев. Так, в самом начале романа читатель узнаёт, что у Ани Пресняковой не вернулся с войны отец. Песня о калекке, исполняемая мальчиком в вагоне поезда, раскрывает жизненные обстоятельства, в которых оказались герои и подготавливает читателей к появлению Петра Ивановича, отца Ани, оставшегося на войне без обеих рук.

Таким образом, песня, как и любые другие элементы фольклорной поэтики, включённые в структуру литературного текста, в синтезе с прозаической речью составляет целостное композиционное единство. Различные способы её смысловой реализации оказывают влияние на сюжетобразование, раскрытие внутренних интенций героев, воссоздание национального колорита и воплощению авторского замысла.

Художественный образ в литературном произведении конструируется взаимодействием целой системы различных средств характеристики. Так, одним из составляющих литературного образа является портрет. Сущность портрета как художественного средства заключается в том, что «писатель раскрывает характер изображаемых героев и выражает своё отношение к ним посредством описания их внешности, его художественная ценность определяется зрительной наглядностью» [13, 206]. В фольклорных текстах, как правило, приоритетное положение в описании героя принадлежит характеристике физических данных, черт лица, которые, в зависимости от душевных и нравственных качеств героя, могут иметь положительную или отрицательную оценку. Портретные характеристики – описание фигуры, лица, жестов, одежды – в романе

¹ Перевод здесь и далее в тексте наш – Н. Л., Ю. А.

И. Девина во многом оформилась под влиянием народно-поэтического творчества. Здесь наблюдается прямое заимствование средств и приёмов, свойственных произведениям народной поэзии, т. е. фольклорная поэтика в описаниях внешности отчётливо проступает в своей первичной форме художественности в виде красочных эпитетов, метких сравнений, образно-метафорических и лексико-фразеологических единиц, уменьшительно-ласкательных форм и других средств.

Поэтика фольклора отчётливо проявилась в характеристике молодой женщины Лизы. Автор повествует: *Цяця панчфонь коняфксса, якстерь нуласа, кяпе сон няевсь тейнза (Щетихинонди – Н. Л., Ю. А.) расань штаф ару кстынякс. Шамац акшениаль, нльне лофтаналь, пади, туюзя панчфнень цильфсон эзда, мярьгат вестевок ашезь варжаксне лангозонза шинясь, вестевок ашезь уфсе варманясь. А трванза, маиты вдь природась кочкамонза, кодама тус коза путомс! трванза якстерьхтольхть, мярьгат аныцек и симонди инези ведняда. < ... > ...Пзьгатаць пацякс равжа сельмокабанзон алда кафта розьбанчфкат сенем толняса кфчядсть цёрать шамас [10, 140].* 'В венке из цветов, в красном платье, босая она виделась ему (Щетихину – Н. Л., Ю. А.) омытой росой чистой ягодкой. Лицо белое, даже бледное, может, от тени жёлтых цветов, будто на него ни разу не смотрело солнышко, ни разу не дул ветерок. А губы, умеет же природа подобрать краски! Губы красные, как будто только и пьёт она малиновую воду. < ... > ... Из под чёрных как крылья ласточки бровей в лицо парня синим цветом блеснули два василька'. К описанию внешности героини автор прибегает неоднократно. Портретные характеристики, как правило, насыщены большим разнообразием поэтических тропов, свойственных народному творчеству, однако в авторском тексте они обновляются и приобретают новую степень интеллектуализации.

В раскрытии персонажной сферы И. Девин использует распространённый в народном творчестве приём разделения героев на два противоположных лагеря. Противопоставление героев положительных героям отрицательным происходит на основе их действий и поступков в развитии сюжета, что при обрисовке словесного портрета как основного структурного элемента образа предполагает реализацию принципа контраста. Причём некоторые образы представлены минимальным набором характеристик. Несмотря на ограниченность описательных характеристик, автору всё же удаётся создать яркие образы бла-

годаря избирательности в подборе лексического материала. Так, характеризуя портрет Васки Аблязова, автор ограничивается описанием только лица персонажа, и этого минимализма достаточно для формирования ключевых черт его натуры: *Пряц отала, шамац кувака, алашань шаманди шары, няевсь аф шумбра тарьгозьфокс; сельмонзон ала нюрьгсть кяскавнят срмафт-срмафт, бта синь мзярдовок ашесть пшакоть-кишев. Шалхкоц локша недькс нюрьгсь тайняня коняц алда и сонь ёфси песонза няевсть эчке трванза [10, 16].* 'Голова взлохмаченная, лицо длинное, на морду лошади смахивает, виделось нездоровым и опухшим; под глазами висели сморщенные-присморщенные мешки, как будто они никогда не наполнялись. Нос словно кнутовище висел из-под узкого лба и сразу под ним виднелись толстые губы'.

Таким образом, портрет в литературном произведении является средством характеристики художественного образа, «используемым в композиционном целом наряду с иными художественными средствами: описанием настроений и мыслей героев, развитием действия в сюжете, описанием обстановки, диалогом персонажей» [13, 202], при этом в романе «Трава-мурава» индивидуально-авторская избирательность художественных приёмов при обрисовке внешних черт идёт по пути внутреннего усвоения фольклорной традиции. Благодаря авторской переработке фольклорных элементов в романе не наблюдается явного перенесения фольклорных образов в литературный текст, созданные писателем образы лишь ассоциируются с народными.

Локальные авторские образцы в тексте романа «Трава-мурава» имеет жанр проклятия. Как известно, проклятие – словесная формула, призванная негативно воздействовать на тот или иной объект. Проклятие исходит к древним обычаям, связанным с магической поэзией предков, веровавших в вербальную силу слова и действия против враждебной стихии природы или человека. Общее значение проклятия может выражаться конкретно или метафорически.

Будучи жанром обрядового фольклора, проклятия в романе И. Девина представлены несколько в ином виде. Если в обрядовой традиции они сопровождаются обязательными определёнными ритуальными действиями, то в романе И. Девин отказывается от обязательных атрибутов обрядовой поэзии и воспроизводит их с целью раскрытия внутреннего состояния героев в момент наивысшего психологического напряжения.

Для раскрытия сущности и переживаемых эмоций героев автор выбирает такие ситуации, когда человек беспредельно возмущён. Эпизод на Казанском вокзале, например, когда у Прасковьи украли деньги, показывает, насколько негативна натура этой женщины. Её речевой акт представляет собой одну из форм проклятия, а именно пожелание адресату бед и несчастий: *Оржафтама пъялкс араст ся ярмакне салайхнень седи кучказост. Анкаит лисест потмозост! Дай бох, шяняды кивикс праств прязост сельмоведне! Калмонь сукст сиволезь тевлавснон-максоснон! Дай бох, лятяств васень порьксозост...* [10, 170]. ‘Тупым колом в сердце пусть станут вора украденные деньги. Пусть внутренности их покроются нарывами! Дай бог, расплавленным свинцом пасть моим слезам на их головы! Пусть черви съедят их лёгкие и печень! Дай бог, подавиться им первым куском!’ Слова проклятия произносятся с целью негативного воздействия вредоносного посыла. Функция жанра проклятия в данном случае заключается в передаче мировоззрения и мировосприятия Проски, её приоритет материального над духовным.

К жанру проклятия автор обращается при раскрытии внутренних интенций Тучати. Но в этом случае передаются совсем иные чувства. Пожилой человек давно получил известие о гибели на фронте единственного сына. Вручение отцу погибшего солдата ордена встревожило его чувства, обострило горечь утраты, что способствовало воспроизведению проклятия: *Да содасак али аф, идолонь сельме Гитлер улефтярят, мезе тилень мархтот Степазень инкса? Пачк сязелихтень и ёрдалихтень панжам казяс... Душманат, ваймонь сывяят, окаянной вьргаз... <...>...Мзяра шавсь, снярксть шавомаль сонцке. Да монь лацотнень, сюдодфнень, сельмоведьснон инкса сргавозь кяшеса лакафтомс эряволь... проклятай Гитлер!* [10, 203]. ‘Да знаешь ли ты, Гитлер с глазами идола, что бы я сделал с тобой из-за своего Стёпы? Разорвал бы пополам и бросил в муравейник... Душман, душегуб, волк окаянный... <...> Скольких он убил, столько раз самого бы убить. Да за слёзы таких несчастных как я бросить бы его в кипящую смолу... проклятый Гитлер!’

В данном случае словесная формула проклятия идентична фольклорным образцам, но в некоторой степени трансформирована в философском дискурсе: слова проклятия не просто выражают эмоции героя, но и звучат как размышления о жертвах войны. Высказывая негативные выражения, пожилой отец тем самым проявляет

не только свою ненависть палачу Гитлеру, но и выражает готовность противостоять злу, чтобы защитить добро в жизни.

Глубину типизации общенародных представлений о жизни в авторский текст привносит жанр причитания. Функциональность причитаний заключается в чувственном восприятии, они удачно оттеняют живое лирическое чувство и авторские эмоции. В мордовской обрядовой поэзии «причитание имеет определённую композиционно-образную характерность, свободную лирико-драматическую импровизационность, которая опирается на такие средства тематической детализации, как постоянный эпитет, анафора, обращение, эмоциональные междометия, риторические вопросы, тавтологические сочетания» [16, 7]. В причитаниях, включённых в роман «Трава-мурава», отчётливо прослеживается активное усвоение существенных фольклорных примет жанра. Функции их идентичны фольклорным аналогам. Так, причитывая над умершей молодой женщиной, девушки выражают глубокую печаль и скорбь об утрате подруги. В словесном материале причитаний, оцениваются человеческие качества и достоинства усопшей, её красота и богатый внутренний мир. «Красочность, яркость и выразительность причитаниям придают широко используемые в них традиционные приёмы – обращения, сравнения, метафоры, художественные параллелизмы и другие изобразительно-выразительные средства» [8, 8], выполняющие функции образности и иносказательности.

Причитания, включённые в авторский текст, глубоко психологичны: – *Ох, аканязе-ялганязе, / Пакся ёронь сельмованфкязе. Ой! / Ох, аканязе-ялганязе, / Радостькастон цебарняста варжайнязе. Ой! / Ох, аканязе-ялганязе, / Горя пингста горянь явинязе. Ой!...» <...> – Ох, аканязе-ялганязе, / Тундань опана венязе. / Ой! Ох, аканязе-ялганязе, / Кизонь валда-мани шинязе. / Ой! Ох, аканязе-ялганязе, / Кинди тьяни панжан потмонязень. Ой!..* [10, 100]. ‘– Ох, сестричка-подруженька, / Со взглядом полевой перепёлочки. Ой! / Ох, сестричка-подруженька, / Радость со мной разделяющая. Ой! / Ох, сестричка-подруженька, / В горе со мной разделяющая. Ой! <...> – Ох, сестричка-подруженька, / Весенняя тёплая ноченька. / Ой! Ох, сестричка-подруженька, / Летний светлый, ясный денёчек. / Ой! Ох, сестричка-подруженька, / Кому теперь открою душеньку. Ой!’

Жанровая преемственность в романе выражается введением в художественное полотно паремических жанров – пословиц и поговорок.

Они могут использоваться как обобщающий вывод к разговору или размышлению, средство характеристики героев и индивидуализации их речи. Пословицы и поговорки, занимая определённую нишу в романе, также «вливают на его повествовательную структуру, сюжетное движение, участвуют в процессе создания характеров персонажей, они важны и в контексте авторских оценок изображаемых событий и явлений» [12, 48].

Так, в эпизоде посещения Пресняковых Щетихиным пословица характеризует героев с самой существенной стороны, раскрывая главное в характере того или иного персонажа. Щетихин возвращается из тюрьмы домой, в Урань. Он плохо одет и у него нет денег. С тайной мыслью попросить их у Преснякова он заходит к нему. Петр Иванович гостеприимно встречает его, угощает. Когда же замечает стеснение гостя, он говорит ему, что дело не в одежде, а в уме человека, и выражает это пословицей: *Мазы щамсь пара ня емс, а ёнць – кулхцондомс* [10, 291]. «На красивый наряд приятно смотреть, а ум – слушать». Через эту пословицу отражается принцип отношения таких людей, как Пресняков к другим людям и раскрывается их сущность.

Пословицы и поговорки могут характеризовать человека с какой-нибудь одной стороны: *Работамс тарькс, а симомс–парькс* [10, 173]. «Работать ленив, а выпить – хоть бочку».

Романный нарратив богат образными сравнениями, эпитетами, имеющими народную основу. Показывая напрасные хлопоты монашек, стремящихся добиться открытия церкви в селе Урань, И. Девин пишет: *И, няк, сембе надиямась каладсь, кода калонь уфам, мзярда ся пови пильгалу* [10, 169]. «И вот все надежды лопнули, как рыбий пузырь, когда он попадает под ноги». Или далее: *Просаня и Тарьгчень Глебарясь мрдасть Москуста, бта кафта кяж покольхть* [10, 188]. «Прасковья и жена Глеба вернулись из Москвы, как два комка зла». А посредством эпитета «чёрный» автор раскрывает моральную несостоятельность и нравственный крах Прасковьи (чёрная одежда, чёрный платок, чёрные глаза-бусинки, чёрная занавеска и т. д.).

Нередки в романе наречийно-изобразительные слова, свойственные народной речи. Вот высказывание о бродяге: *И сон тусь, луп-лап лоскодонза* [10, 170]. «И он пошёл, луп-лап его отрепья». В данном случае словоформа «луп-лап» показывают, что одежда бродяги вся состоит из одних махров, которые равномерно покачиваются в такт его шагам. В другом – лексическая

единица «тупор-тапор» отражает радость человека и его неловкость: *«Вай, мака панчфкяне! Вай, уноконяй, – тупор-тапор – ёрдась пря Витяти* [10, 274]. «Ох, маковы цветочки! Ох, внучек, – тупор-тапор – бросилась к Вите».

Из вышесказанного следует, что рассматривая вопрос об использовании элементов фольклора в романе И. Девина «Нардише», необходимо отметить, что автор пользуется ими творчески. Фольклорный материал в авторском тексте выступает как фундамент, без которого нельзя реалистически и ярко отразить народную жизнь.

Обсуждение и заключение

Национальный фольклор является важным средством художественного обогащения художественных опытов И. Девина. Обращённость к народной культуре и традициям породила в произведениях писателя только ему присущие черты и особенности. Так, роман «Трава-мурава» отличается достаточно широким идейно-тематическим диапазоном, в нём наблюдается непрерывный процесс обогащения структурной поэтики, индивидуально-авторских решений, выразительных и стиливых возможностей, что обусловлено творческим освоением элементов народной поэзии.

В структуре авторского текста, представляющего собой сложную внутреннюю организацию, фольклорные элементы находятся в тесном взаимодействии и ориентированы автором на многофункциональность. Их роль в авторском тексте может быть смыслообразующей, сюжетообразующей, психологической, эстетической и др.

Смыслообразующий потенциал фольклорного материала заключается в обрисовке подлинно народных характеров, носителей вечных духовных ценностей: стойкости, преданности делу, уважения к традициям и др. Сюжетообразующая функция отдельных жанров, средств и приёмов народного творчества призвана предсказывать какие-либо события или ситуации и дальнейшее развитие связанных с ними сюжетных линий. Множество элементов фольклорной поэтики призваны выполнять психологическую функцию, что способствует глубинному раскрытию внутренних эмоций, состояний, чувств персонажей, а также всестороннему исследованию человеческой личности в различных жизненных коллизиях. Эстетическая функция элементов народной поэзии не просто отражает гармонию и красоту окружающей действительности, а, прежде всего, подчёркивает внешние и внутренние достоинства персонажей.

Таким образом, в романе «Трава-мурава» наблюдается тесное взаимодействие двух начал: традиционно народного, интерпретированного в соответствии с творческими задачами писателя, и индивидуально-авторского. Без их единства невозможно было бы добиться таких успехов.

Список источников и литературы

1. Адаменко С. В., Адаменко В. В. К вопросу сохранения национальной культуры и фольклорно-этнографических традиций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 79–84.
2. Акашкин М. М., Бурлакова А. П. Специфика изображения своеобразия национального характера в романе И. Девина «Трава-мурава» // Языки и литература в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. по матер. Междун. науч.-практ. конф. Саранск: Мордовский гос. пед. ун-т, 2021. С. 83–87.
3. Алёшкин А. В. Земля родная песни мне дала: очерк творчества И. М. Девина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 118 с.
4. Антонов Ю. Г., Шеянова С. В. Рецепция традиционной обрядовой культуры в литературном дискурсе Мордовии // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 7–12.
5. Антонов Ю. Г. Фольклорные мотивы в современной мордовской драматургии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 220–227.
6. Афанасьева Л. А., Ежова Д. В. Фольклорно-этнографические элементы в романе «Чёрный хлеб» Н. Ильбекова // Мир науки и мысли. 2023. № 3. С. 41–46.
7. Ахрамович А. В. Художественная интерпретация концепта «судьба» в мордовской прозе XX века: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 164 с.
8. Ваганова Е. Н. Похоронно-поминальные причитания-плачи в фольклоре эрзи: поэтические приёмы и средства // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 1. С. 8–19.
9. Далгат У. Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 303 с.
10. Девин И. М. Нардише (Трава-мурава): роман. Саранск: Мордовский книжный издательствась, 1991. 364 с.
11. Зиновьев Н. В. Синтез эпичности, лиричности и публицистичности // Современная мордовская литература. 60–80-е годы: в 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 105–119.
12. Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н. Фольклорный интертекст романа С. Г. Чавайна «Элнет» (паремиологический уровень) // Litera. 2022. № 9. С. 47–57.
13. Кунавин О. Б., Кунавина И. И. Проблема портрета в художественной литературе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2. С. 202–207.
14. Малькина М. И. Эряфть вайгяленза: критиконь мяльхть-арьсемат. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. С. 6–12.
15. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 352 с.
16. Самаркина Н. П. Фольклорные традиции в современной мордовской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1991. 20 с.
17. Ситникова А. А. Смыслообразующая функция песни в структуре литературного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 23 с.
18. Brocken M. The British Folk Revival: 1944–2002. Abingdon: Routledge, 2003. 248 p.
19. Warner M. From the Beast to the Blonde: on fairy tale and their tellers. New York: Farrar, Straus Giroux, 1995. 170 p.
20. Bennett Gillian. Legend: Performance and Truth // Contemporary Legend: A Reader. New York: Garland, 1996. Pp. 17–39.
21. Carroll Noël E. A Philosophy of Mass Art. Oxford: Oxford University, 1998. 425 p.
22. Dégh Linda. Legend and Belief: Dialectics of a Folklore Genre. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 498 p.

References

1. Adamenko S. V., Adamenko V. V. *K voprosu sokhraneniya natsional'noy kul'tury I fol'klorno-etnographicheskikh traditsiy* [To the issue of preserving national culture and folklore and ethnographic traditions]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie I obshchественnye nauki* [Humanities, Social-Economic and Social Sciences], 2024, no. 2, pp. 79–84. (In Russian)
2. Akashkin M. M., Burlakova A. P. *Spetsifika izobrazheniya svoeobraziya natsional'nogo kharaktera v romane I. Devina "Trava-murava"* [The specificity of the image of the originality of the national character in the novel by I. Devin "Trava-Murava"]. *Yazyki i literatura v mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Languages and literature in intercultural communication: collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference]. Saransk: Mordovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2021. Pp. 83–87. (In Russian)
3. Aloyshkin A. V. *Zemlya rodnaya pesni mne dala: ocherk tvorchestva I. M. Devina* [The native land gave me the songs: essay on the work of I. M. Devin]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1973. 118 p. (In Russian)
4. Antonov Yu. G., Sheyanova S. V. *Retseptsiya traditsionnoj obryadovoy kul'tury v literaturnom diskurse Mordovii* [Reception of traditional ritual culture in the literary discourse of Mordovia]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 2 (25), pp. 7–12. (In Russian)
5. Antonov Yu. G. *Fol'klornye motivy v sovremennoy mordovskoy dramaturgii* [Folklore motifs in modern Mordovian drama]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2010, no. 1, pp. 220–221. (In Russian)
6. Afanasyeva L. A., Ezhova D. V. *Fol'klorno-etnographicheskie element v romane "Cherny khleb" N. Il'bekova* [Folklore and

- ethnographic elements in the novel “The Black Bread” by N. Ilbekov]. *Mir nauki i mysli* [The World of Science and Ideas], 2023, no. 3, pp. 41–46. (In Russian)
7. Akhramovich A. V. *Khudozhestvennaya interpretatsiya koncepta “sud’ba” v mordovskoy proze XX veka* [Artistic interpretation of the concept of “fate” in Mordovian prose of the XX century]. Saransk, 2012. 164 p. (In Russian)
8. Vaganova E. N. *Pokhoronno-pominal’nye prichitaniya-plachi b fol’klore er’zi: poeticheskie priyomy i sredstva* [Funeral and memorial lamentations in the folklore of the Erzya people: poetic techniques and means]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric World], 2022, no. 14 (1), pp. 8–19. (In Russian)
9. Dalgat U. B. *Literatura i fol’klor* [Literature and Folklore]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 303 p. (In Russian)
10. Devin I. M. *Nardishe (Trava-murava): roman* [Nardishe (Trava-Murava): novel]. Saransk: Mordovskiy knizhnyy izdatel’shtvas’ Publ., 1991. 364 p. (In Moksha)
11. Zinovyev N. V. *Sintez epichnosti, lirichnosti i publitsistichnosti* [Synthesis of epicism, lyricism and journalism]. *Sovremennaya mordovskaya literature. 60–80-e gody: v 2 ch.* [Modern Mordovian literature. 60–80’s: in 2 parts]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel’svo Publ., 1991. Part 1. Pp. 105–119. (In Russian)
12. Kudryavtseva R. A., Belyaeva T. N. *Fol’klorny intertekst romana S. G. Chavaina “Elnet” (paremiologicheskiy uroven)* [Folklore intertext of S. G. Chavain’s novel “Elnet” (paremiological level)]. *Litera* [Litera], 2022, no. 9, pp. 47–57. (In Russian)
13. Kunavin O. B., Kunavina I. I. *Problema portreta v khudozhestvennoy literature* [The problem of portraiture in fiction]. *Aktual’nye problema filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics], 2017, no. 2, pp. 202–207. (In Russian)
14. Malkina M. I. *Eryaft’ vaygyalenza: kritikon’ myal’kht’-ar’semat* [Eryaft’ vaygyalenza: kritikon’ myalkht-arsemat]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel’svo Publ., 2005. Pp. 6–12. (In Russian)
15. Propp V. Ya. *Fol’klor i deystvitel’nost’* [Folklore and reality]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 352 p. (In Russian)
16. Samarkina N. P. *Fol’klornye traditsii v sovremennoy mordovskoy poezii* [Folklore traditions in modern Mordovian poetry]. Saransk, 1991. 20 p. (In Russian)
17. Sitnikova A. A. *Smysloobrazuyuschaya funktsiya pesni v structure literaturnogo teksta* [The meaning-formation function of a song in the structure of a literary text]. Tver, 2015. 23 p. (In Russian)
18. Brocken M. *The British Folk Revival: 1944–2002*. Abingdon: Routledge, 2003. 248 p. (In English)
19. Warner M. *From the Beast to the Blonde: on fairy tale and their tellers*. New York: Farrar, Straus Giroux, 1995. 170 p. (In English)
20. Bennett Gillian. *Legend: Performance and Truth. Contemporary Legend: A Reader*. New York: Garland, 1996. Pp. 17–39. (In English)
21. Carroll Noël E. *A Philosophy of Mass Art*. Oxford: Oxford University, 1998. 425 p. (In English)
22. Dégh Linda. *Legend and Belief: Dialectics of a Folklore Genre*. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 498 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левина Наталия Николаевна, доцент кафедры финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), кандидат филологических наук, доцент.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4826-8607

Антонов Юрий Григорьевич, заведующий кафедрой финно-угорской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

antonov-ug69@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-7594-8109

ABOUT THE AUTHORS

Levina Natalia Nikolaevna, Associate Professor of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4826-8607

Antonov Yuriy Grigoryevch, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

antonov-ug69@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7594-8109